

Глава 1

Старомодное семейство и гнусный ребёнок

Однажды давным-давно жила-была семья по фамилии Уиллоуби: они придерживались старых идеалов, и детей у них было четверо.

Старшему — мальчику по имени Тимоти — было двенадцать. Барнаби и Барнаби были десятилетними близнецами. Их никто не мог различить, и одинаковое имя запутывало ещё больше, поэтому их называли Барнаби А и Барнаби Б. Большинство людей (включая и родителей) сокращали их до А и Б, а многие и вовсе не знали, что у близнецов есть имена.

Была ещё девочка — застенчивая симпатичная малышка в очках и с короткой чёлкой. Она была младшей, всего шести с половиной лет, и звали её Джейн.

Они проживали в высоком узком доме в обычном городе и делали всё то, что обычно делают дети в старинных романах. Ходили в школу и на пляж. Праздновали дни рождения. Время от времени их водили в зоопарк или в цирк, хотя ни то ни другое им особо не доставляло удовольствия, разве что слоны.

Их отец, человек нетерпеливый и вспыльчивый, каждый день отправлялся на работу в банк с портфелем и зонтиком, даже когда не было дождя. Мать, ленивая брюзга, на работу не ходила. Она нехотя готовила еду, наряженная в жемчужное ожерелье. Однажды она прочитала книгу, но нашла её безвкусной, поскольку там встречались прилагательные. Но журнал могла полистать.

Родители часто забывали о том, что у них есть дети, и, когда им об этом напоминали, сильно раздражались.

У старшего, Тима, было золотое сердце, как у многих старомодных мальчиков, однако пряталось оно под маской любителя покомандовать. Именно Тим решал, что будут делать дети: в какие игры им играть («Сейчас играем в шахматы, — иногда говорил он, — и правила таковы, что участвуют только мальчики, а девочка подаёт печенье всякий раз, когда королю мат»); как им вести себя в церкви («Вставайте на колени и сохраняйте благочестивый вид, но думайте только о слонах», — однажды сказал он); будут ли они есть то, что приготовила мать («Мы это *не любим*», — мог провозгласить он, и все

клали вилки на стол и отказывались открыть рот, даже если очень, очень проголодались).

Однажды после обеда, который они отказались есть, сестра шепнула ему на ухо:

— А я такое люблю.

Но Тим гневно взглянул на неё и ответил:

— Это были голубцы. Тебе не позволено любить голубцы.

— Ладно, — вздохнула Джейн. Она легла спать голодная, и ей снова приснилось, как однажды она станет старше и увереннее, сможет играть в любую игру, какую захочет, и есть еду, которую сама выберет.

Жизнь их шла именно так, как описывают в старомодных романах.

Однажды они даже нашли младенца на крыльце дома. Да, в старомодных романах такое часто встречается. К примеру, близнецы Бобси нашли ребёнка у себя на крыльце. Но с Уиллоуби этого прежде не случалось. Младенец лежал в плетёной корзине, на нём была розовая фуфайка с запиской, пришпиленной английской булавкой.

— Странно, что папа её не заметил, когда уходил на работу, — сказал Барнаби А, глядя на корзину, перегородившую путь к лестнице. Они вчетвером намеревались прогуляться в парке.

— Папа рассеянный, ты сам знаешь, — напомнил Тим. — Через что угодно переступит. Небось, отодвинул её и пошёл себе.

Все смотрели на корзину и ребёнка, спящего глубоким сном.

Они представили, как отец делает большой шаг, чтобы переступить через корзину, предварительно немного подвинув её в сторону сложенным чёрным зонтом.

— Можем отнести её к мусорным бакам, — предложил Барнаби Б. — Если ты, А, возьмёшься за одну ручку, а я за другую, то, думаю, спустить её с крыльца не составит большого труда. Младенцы тяжёлые?

— Можно мы прочтём записку? Пожалуйста, — попросила Джейн уверенным тоном, который тайком тренировала.

Записка была сложена, и надпись не видна.

— Не думаю, что это необходимо, — сказал Тим.

— А мне кажется, мы должны прочесть, — возразил Барнаби Б. — Возможно, там что-то важное.

— Может, там сказано о награде для того, кто найдёт ребёнка, — предположил Барнаби А. — Или требование выкупа.

— Дурень! Выкуп требуют те, кто *забрал* ребёнка, — сказал Тим.

— Тогда, может, мы пошлём такую, — сказал Барнаби А.

— Возможно, там написано имя ребёнка, — сказала Джейн. Её очень интересовали имена, поскольку собственное казалось ей несоразмерно коротким. — Я хотела бы знать её имя.

Ребёнок зашевелился и открыл глаза.

— Вероятно, в записке содержатся инструкции о том, как поступать с младенцами, — сказал Тим, глядя на бумажку. — Куда их относить, если находишь.

Ребёнок начал похныкивать, и очень скоро хныканье перешло в рёв.

— Или о том, как их выключают. — Барнаби Б зажал уши.

— Если в записке нет имени, можно я его придумаю? — спросила Джейн.

— И как бы ты её назвала? — заинтересовался Барнаби А. Джейн нахмурилась.

— Имя должно быть из трёх слогов, думаю. Дети заслуживают имени из трёх слогов.

— Британи? — спросил Барнаби А.

— Возможно, — согласилась Джейн.

— Мадонна? — предложил Барнаби Б.

— Нет, — сказала Джейн. — Лучше Таффета.

Теперь младенец размахивал кулаками, бил пухлыми ногами и громко орал. Кошка Уиллоуби высунула морду из двери, быстро глянула на корзину, дёрнула усами и скрылась в доме, как будто звук её нервировал. Плач младенца и впрямь походил на мяуканье котёнка — видимо, поэтому.

Наконец Тим, избегая ударов маленьких кулаков, отцепил записку. Молча прочёл.

— Ну, ясное дело, — сказал он. — Патетическая. Как я и ожидал. — И зачитал вслух: — «Я выбираю этот дом,

потому что в нём, похоже, живёт счастливая, любящая семья, достаточно обеспеченная, чтобы прокормить ещё одного ребёнка. Увы, мы слишком бедны. Для меня настали тяжёлые времена, и я не могу заботиться о своём любимом ребёнке. Пожалуйста, будьте к ней добры». Близнецы, берите корзину за ручку, — велел он братьям, сам же взялся за вторую. — Джейн, можешь нести записку. Занесём эту мерзость в дом.

Джейн взяла сложенную записку и последовала за братьями, которые втащили корзину в холл и поставили на ковёр с рисунком в восточном стиле. Дитя издавало существенный шум.

Их мать открыла дверь в конце коридора и вышла из кухни, морщась:

— Что за вопли? Я пытаюсь вспомнить ингредиенты для мясного рулета и не слышу собственных мыслей.

— Кто-то оставил гнусного ребёнка у нас на крыльце, — сказал ей Тим.

— Боже правый, нам не нужен ребёнок! — сказала мать и подошла взглянуть. — Не нравится мне это, совсем не нравится.

— А я бы хотела её оставить, — тихонько проговорила Джейн. — По-моему, она милая.

— Нет, не милая, — сказал Барнаби А, глядя на младенца.

— Вообще не милая, — поддержал брата Барнаби Б.

— У неё кудряшки, — сказала Джейн.

Их мать присмотрелась к младенцу и потянулась к корзинке с вязанием, которую держала на столике в холле. Она вытащила маленькие золочёные ножницы и задумчиво щёлкнула ими несколько раз. Потом наклонилась к ребёнку и пощёлкала снова.

— Теперь у неё нет кудряшек, — сообщила она и вернула ножницы на место.

Джейн тарашилась на малышку. Та вдруг перестала плакать и тоже посмотрела на Джейн большими глазами.

— Боже мой. Без кудряшек она ничуть не милая, — сказала Джейн. — Наверно, я больше не хочу её оставить.

— Унесите её куда-нибудь, дети, — велела мать и направилась обратно в кухню. — Избавьтесь от неё. Я занята мясным рулетом.

Дети вчетвером выволокли корзину на улицу. И стали думать. Они обсудили задачу. Вообще-то план пришёл в голову Барнаби А, и он высказал его Тиму, который принимал решения за всех.

— Тащите коляску, — скомандовал Тим.

Близнецы достали коляску из-под веранды, где она хранилась вместе с велосипедами. Мальчики водрузили на неё корзину, а сестра смотрела. Потом, толкая коляску по очереди, они повезли ребёнка: по кварталу, через улицу (культурно подождав зелёного света на светофоре), потом ещё два квартала и свернули на улицу, ведущую

на запад, потом ещё немного прошли, пока не достигли пункта назначения, где наконец остановились перед ужасно замухрышистым домом, который все называли особняком Меланоффа. Джентльмен, проживающий в особняке, был миллионером. Или даже миллиардером. Но он никогда не выходил на улицу. Сидел в доме с закрытыми шторами, подсчитывал деньги и чувствовал вражду ко всем. Как и Скрудж из другой старомодной истории, он потерял интерес к жизни из-за трагических событий прошлого.

Особняк был гораздо больше соседних домов, но вида крайне неряшливого. Кованый забор вокруг участка покосился и местами едва не падал, а сам участок был завален мебельной рухлядью. Некоторые окна с пробойнами, другие забиты досками, а на крыльце чесался и мяукал тощий кот.

— Подожди, А, — сказал Тим, когда его брат потянулся к ручке калитки. — Надо кое-что добавить к записке. — Он протянул руку к Джейн, у которой в кармане платья со сборками лежала аккуратно сложенная записка, и Джейн отдала её. — Карандаш, — потребовал Тим, и один из близнецов (ибо все дети привыкли носить с собой всё, что Тиму может потребоваться) вручил ему карандаш.

Барнаби Б повернулся, чтобы Тим мог воспользоваться его спиной в качестве стола.

— Можешь сказать, что я написал, Б? — спросил Тим, когда закончил.

— Нет. По ощущению, какие-то каляки-маляки.

— Следует лучше тренироваться, — заметил Тим. — Если бы моя спина была столом, я бы каждое слово мог повторить, даже знаки препинания. Практикуйся, когда будет время.

Барнаби Б кивнул.

— Тебя это тоже касается, А, — сказал Тим, глядя на второго близнеца.

— Хорошо, буду, — пообещал Барнаби А.

— И я, — предложила Джейн.

— Нет. Тебе не надо, потому что ты девочка. Тебе никогда не поручат важной работы, — сказал Тим.

Джейн заплакала, но тихо-тихо, чтобы никто не заметил. И сквозь тихие-тихие слёзы поклялась когда-нибудь доказать, что Тим ошибается.

— Вот что я написал: «P. S.* Если за этого гнусного ребёнка полагается какая-то награда, то её можно отправить семье Уиллоуби».

Остальные кивнули. Они подумали, что P. S. — хорошая идея.

* Постскрипtum (*лат. post scriptum* — *после написанного*) — приписка к законченному и подписанному письму, обычно обозначаемая «P. S.». (Здесь и далее примечания без пометы «Примеч. ред.» принадлежат переводчику.)

— Ты мог бы написать «*нужно*» вместо «*можно*», — предложил Барнаби Б.

— Хорошая мысль, Б. Повернись.

Барнаби Б повернулся, и Тим снова использовал его спину вместо стола, зачеркнув одно слово и вставив другое, причём подчеркнул его, и Барнаби Б это почувствовал.

Потом Тим прочёл вслух: «P. S. Если за этого гнусного ребёнка полагается какая-то награда, то её *нужно* отправить семье Уиллоуби».

Он сложил записку и наклонился к корзине. Но вдруг передумал.

— Повернись ещё раз, Б, — скомандовал он.

Когда брат повернулся спиной, чтобы снова стать столом, Тим дописал ещё одну фразу. Потом сложил записку и пристегнул к фуфайке младенца.

— Открывай, Джейн, — сказал Тим, и она толкнула калитку. — Раз, два, три, взяли! — Мальчики дружно вынули корзину с ребёнком из коляски и оттащили к перекошенному, грязному крыльцу особняка, где и оставили.

С чем и отправились в обратный путь.

— Что ты добавил в конце записки, Тим? — спросил Барнаби А.

— Ещё один P. S.

— О чём он, Тим? — спросил Барнаби Б.

— Там сказано: «Её зовут Руфь».

Джейн обиженно сморщилась и спросила:

— Почему?

— Потому что слово «руфь» означает жалость, а мы *безжалостные** Уиллоуби.

* На самом деле имя Руфь происходит от древнееврейского имени Рут, означающего «друг», «подруга». А Тим Уиллоуби имеет в виду корень ruth в слове ruthless (*англ.*) — «безжалостный» от среднеанглийского слова ruth — «сожаление, милосердие» (XII в.). В современном английском языке сохранился глагол to rue (*англ.*) — пожалеть. (*Примеч. ред.*)